

ЗОЛОТО МЕРТВОГО КУПЦА

Артем Черных

Арте́м Че́рных

Золото мертвого купца

«Автор»

2026

Черных А. Е.

Золото мертвого купца / А. Е. Черных — «Автор», 2026

В глухой северной тайге трое подростков — импульсивный Миша, осторожный Артём и упрямая Катя — находят могилу купца, некогда открывшего богатый прииск. Чугунная плита и старинный крест хранят загадочные символы — словно ключ к тайне огромного спрятанного самородка. Но золото окутано проклятием: чем ближе ребята подбираются к разгадке, тем сильнее ощущают, что тайга не готова расстаться со своей тайной. Туман скрывает не только тропы, но и чужие намерения: за подростками всё пристальнее следят жадные взрослые, а сама местность будто мстит тем, кто хочет вырвать её секреты силой. Тревожные видения, зловещие знаки и грозящие обрушиться старые штольни испытывают не только смелость ребят, но и их дружбу. Подросткам предстоит разгадать шифр на плите, пройти сквозь череду испытаний и понять: некоторые сокровища лучше не трогать. А главное — осознать, что в тёмной чаще самое ценное — это верность друг другу.

© Черных А. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артем Черных

Золото мертвого купца

Глава 1

Тропа в тайге

Утро в деревне выдалось обманчиво спокойным. Над крышами стелился лёгкий дым, пахло печным теплом и мокрой хвоей — за ночь прошёл косой дождь, и теперь каждая травинка, каждый лист налились влагой, будто лес напитывался предчувствием. Артём шёл впереди, привычно прикидывая, сколько времени уйдёт на дорогу и где сегодня точно придётся прыгать по брёвнам: ручей после дождей разлился и подтопил тропу. Он не любил эти места, но отказать друзьям не мог.

— Тут дальше бурелом, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. Голос прозвучал чуть резче, чем хотелось, будто он пытался перекрыть собственную тревогу. — Если хотите, можем вообще не ходить. Есть куча других дел. Например, к деду сходить, он вчера опять про старые рельсы говорил. Или просто на берегу посидеть, рыбу пугать.

Катя шла следом, сжимая в руках потрёпанную карту, которую накануне выпросила у деда. Бумага уже истрепалась по сгибам, а карандаш, которым дед ставил пометки, местами почти стёрся, оставив лишь сероватые тени. На листе были едва заметные условные знаки — точки, дуги, короткие штрихи, которые Катя пыталась расшифровать всю прошлую ночь при тусклой лампочке.

— Но именно тут, — она ткнула пальцем в пятно у края листа, где карандаш лёг чуть плотнее, — тут есть отметка. И она совпадает с тем, что мы видели на фото из краеведческого альбома. Это не просто так. Это система. Кто-то специально ставил эти метки.

Миша замыкал цепочку. Он шагал широко, нарочно громко хрустел валежником и делал вид, что ему всё нипочём. Но Артём краем глаза замечал, как тот то и дело оглядывается, будто проверяя, не следит ли кто. В его движениях была нарочитая небрежность, как у человека, который слишком старается казаться спокойным.

— Да ладно тебе, Артём, — буркнул Миша, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы просто посмотрим. Пять минут, и если тебе не нравится — уходим. Но если там правда что-то есть... если это тот самый прииск... отец скажет, что я не мальчишка какой-то, а нормальный старатель. Он всё время твердит, что старателю нужна чуйка, а у меня её будто нет. Вот я и хочу её нащупать.

Артём хмыкнул, но ничего не ответил. Он знал, что «просто посмотреть» в этих местах редко заканчивается просто. Для его семьи прииск был не легендой, а шрамом: дед когда-то ушёл туда на смену и вернулся другим человеком — молчаливым, злым, будто что-то внутри у него оборвалось. А потом и вовсе перестал ходить в лес. Говорил только, что «место берёт своё», и больше ни слова. И Артём верил ему.

Тропа вильнула, пошла вдоль ручья. Вода шумела, пенилась на камнях, и этот шум скрадывал шаги, делал лес глухим — будто он не хотел, чтобы кто-то слышал, как сюда идут. Катя остановилась, чтобы сверить ориентиры: поваленная сосна, камень, похожий на клык, ржавый обломок рельса, наполовину ушедший в мох. Она достала блокнот и быстро зарисовала поворот тропы, добавила стрелку, пометку «болото, туман рано».

— Узкоколейка, — прошептала она, будто боялась спугнуть тишину. — Значит, мы на верном пути. Видишь, тут даже колея сохранилась. Почти незаметная, но есть.

Миша наклонился, потрогал металл. Пальцы оставили на ржавчине светлые полосы. Он провёл ладонью по холодному железу, будто хотел почувствовать через прикосновение, сколько лет тут лежит этот кусок истории.

— Представляешь, сколько лет тут лежит? — он говорил нарочно бодро, но голос прозвучал чуть глуше, чем обычно. — Тут всё помнит.

Артём поморщился. Ему не нравилось это слово — «помнит». В этих краях память была тяжёлой, неудобной, она цеплялась за людей, как мокрый мох, и не отпускала. Он знал истории, которые шептались по вечерам у костров: про старателей, которые возвращались с прииска с пустыми глазами; про бригадиров, которые вдруг начинали бормотать что-то про «голос земли»; про тех, кто уходил за золотом и не возвращался вовсе. И хотя Артём старался не верить этим рассказам, в груди всё равно шевелилось неприятное чувство, похожее на холод, который пробирается под куртку.

Дальше тропа пошла в гору, потом резко свернула в сторону, огибая болото. Над низиной уже поднимался лёгкий туман — не густой, но такой, что дальние деревья теряли очертания и становились похожими на тени. Воздух стал тяжелее, будто пропитался влагой и старыми тайнами. Катя достала блокнот и снова что-то записала, на этот раз не карту, а ощущения: «туман с утра, запах железа, тишина перед шумом». Она верила, что детали — это ключи.

— Ты как будто на экспедицию собралась, — усмехнулся Миша, пытаясь вернуть себе прежний тон.

— А мы и есть на экспедиции, — спокойно ответила Катя. — Только без палаток и раций. Зато с картой и чутьём.

Артём остановился у развилки. Одна тропа уходила дальше, теряясь среди елей, другая ныряла в бурелом. Он знал, какая из них ведёт к прииску. И знал, что, ступив на неё, они перестанут быть просто ребятами, которые пошли погулять. Это будет уже путь, у которого есть цена.

— Если идём, — сказал он, глядя не на друзей, а на тропу, будто пытался прочесть в переплетении корней и веток, что ждёт впереди, — идём тихо. Никаких криков, никаких «эй, смотри!». Тут не любят шума. Тут любят тишину, и если её нарушить, она может ответить.

Миша хотел было возразить, но вдруг замер. Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Не так, как ломается под ногой, а будто кто-то осторожно наступил на сухую палку и тут же отступил. Звук был короткий, резкий, и после него наступила тишина, которая казалась ещё плотнее, чем раньше.

Тишина стала плотной, почти осязаемой. Даже ручей будто приглушил свой голос, словно прислушивался.

— Кто-то там? — шёпотом спросил Миша, и в этом шёпоте уже не было бравады. Это был голос человека, который вдруг понял, что лес не так прост, как казалось.

Артём медленно покачал головой, но уверенности в этом жесте не было. Он прислушался, пытаясь отделить обычный лесной шорох от чужого присутствия. Но лес молчал. Или делал вид, что молчит.

Они двинулись дальше — теперь уже не по привычке, а осторожно, выбирая, куда ставить ногу. Тропа сузилась, пошла между поваленных стволов, местами приходилось пролезать под ветвями, цепляясь за кору. Катя шла, не отрывая взгляда от земли: искала следы, приметы, что угодно, что подтвердило бы — они не первые, кто идёт этим путём. Она замечала всё: сломанную ветку, примятую траву, камешек, лежащий не так, как должны лежать камни в лесу.

И наконец вышли на площадку.

Старый прииск встретил их ржавым молчанием. Посреди поляны торчал обломок лебёдки, похожий на скелет огромной птицы. Рядом покосился барак с провалившейся крышей. Окна зияли чёрными провалами, и казалось, что они смотрят, будто пустые глаза, которые всё видят.

Запах был особенный: сырость, гниль, железо и что-то ещё, едва уловимое — будто старый страх ещё витал в воздухе. Катя вдохнула и задержала дыхание, пытаясь разобрать оттенки. Миша поёжился, будто ему стало холодно, хотя день был не таким уж прохладным. Артём стоял на границе леса и площадки, не решаясь сделать шаг вперёд. Ему казалось, что земля здесь дышит иначе, чем в деревне, будто под корнями прячется что-то тяжёлое и древнее.

Миша шагнул вперёд, хотел что-то сказать, но слова застряли. Даже он, самый шумный из них, вдруг понял: здесь не кричат. Здесь говорят шёпотом, если вообще говорят.

Артём встал у края площадки, сканируя окрестности. Его взгляд зацепился за сломанную ветку — свежую, не старую. Она лежала так, будто кто-то прошёл здесь совсем недавно и не старался прятать следы. Или, наоборот, хотел, чтобы их заметили. Он наклонился, потрогал место слома: древесина была ещё влажной, без налёта мха, без седины времени.

— Тут кто-то был, — тихо сказал он, не поднимая головы. — Совсем недавно.

Катя подошла к барaku, но не стала заходить внутрь. Вместо этого она смотрела на дальнюю возвышенность, где среди деревьев темнело что-то угловатое. Туман, который поднимался от болота, обтекал пригорок, будто не решался коснуться того, что на нём стояло.

— Там, — тихо сказала она, показывая пальцем. — Видишь? На пригорке. Что-то стоит.

Все трое повернулись в ту сторону. И только теперь разглядели: на фоне серых стволов чётко выделялся силуэт чугунного креста. Рядом — плита, тяжёлая, тёмная, будто впитавшая в себя всю тень этого места.

Могила купца.

В тот момент, когда они её увидели, ветер стих. Даже птицы перестали кричать. И в этой внезапной тишине ребятам стало ясно: легенда не была просто сказкой. Место ждало. И теперь оно знало, что они пришли.

Миша сделал ещё один шаг, потом ещё. Он шёл, будто его тянуло вперёд невидимой нитью. Артём хотел окликнуть его, но слова не шли с языка. Катя стояла, сжимая карту так, что пальцы побелели. Ей казалось, что бумага под пальцами стала чуть теплее, будто карта тоже почувствовала близость тайны.

Когда Миша подошёл к плите, он протянул руку и коснулся холодного чугуна. На секунду ему показалось, что металл дрогнул под ладонью, будто внутри плиты что-то шевельнулось. А потом в ушах зазвучал тихий голос — не слова, а скорее отголосок, как будто кто-то прошептал что-то на незнакомом языке и тут же замолчал.

Он отдернул руку, будто обжёгся, и посмотрел на друзей. В его глазах читался испуг, смешанный с восторгом.

— Вы слышали? — прошептал он.

Артём и Катя переглянулись. Они не слышали голоса. Но оба почувствовали, как воздух стал гуще, как будто в него добавили чего-то тяжёлого, невидимого.

Катя опустилась на колени рядом с плитой, стараясь не касаться металла. Она рассматривала символы, вытравленные на чугуне: странные завитки, ломаные линии, точки, которые складывались в узоры, но не в буквы. Ей казалось, что знаки живут своей жизнью: стоит отвести взгляд, и они чуть смещаются, меняют очертания.

— Они двигаются, — пробормотала она. — Или мне кажется.

Артём присел рядом, стараясь держаться так, чтобы видеть и плиту, и окрестности. Ему не нравилось, что они так открыто стоят на площадке. Ему казалось, что за ними наблюдают, хотя он не видел ни движения, ни теней.

— Надо уходить, — сказал он. — Сейчас. Пока не поздно.

Но Катя уже достала карандаш и начала аккуратно зарисовывать символы. Она делала это быстро, почти лихорадочно, будто боялась, что знаки исчезнут, если она замешкается. Миша стоял рядом, потирая ладонь, которой касался плиты. Ему всё ещё казалось, что кожа помнит холод чугуна и что-то ещё — какое-то странное тепло, которое шло изнутри.

Внезапно туман, который до этого лениво стелился над болотом, рванулся вперёд и накрыл площадку. За несколько секунд видимость упала до нескольких метров. Деревья растворились в белёсой мгле, звуки стали глухими, будто мир накрыли толстым одеялом.

— Эй! — крикнул Миша, но его голос утонул в тумане, стал плоским и безжизненным.

— Тихо, — резко сказал Артём. — Не кричи.

Туман не просто скрывал тропу — он менял пространство. Казалось, что площадка стала меньше, а лес подступил ближе. Катя попыталась встать, но поскользнулась на мокрой траве. Артём подхватил её, и в этот момент ему показалось, что в тумане мелькнула ещё одна тень — не человеческая, а странная, вытянутая, будто сотканная из самого тумана.

— Видели? — прошептал он, но ни Катя, ни Миша не ответили. Они смотрели в ту сторону, где мелькнуло движение, но туман уже снова стал просто туманом.

— Нам надо выбираться отсюда, — сказал Артём, и в его голосе впервые прозвучала настоящая тревога. — Пока мы ещё можем найти дорогу.

Они двинулись назад, теперь уже не исследуя, а стараясь уйти. Туман цеплялся за одежду, оседал каплями на волосах, делал каждый шаг тяжелее. Катя прижимала к груди блокнот, будто он мог защитить её от того, что пряталось в белёсом мареве. Миша шёл, не оглядываясь, будто боялся увидеть то, что может стоять за спиной.

Когда они наконец вышли из тумана, солнце уже стояло выше, и площадка снова выглядела просто заброшенным местом. Но ребята знали: она была не просто заброшенной. Она была насторожённой. И она запомнила их.

На опушке Артём остановился и оглянулся. Могила купца едва проглядывала сквозь редкие деревья, чугунный крест казался тёмной точкой на фоне светлого неба.

— Мы вернёмся, — сказала Катя, будто это было не предположение, а обещание.

Артём покачал головой, но не стал спорить. Он знал: иногда обещания даются не для того, чтобы их выполнять, а для того, чтобы с ними жить. И он чувствовал, что это обещание будет жить с ними долго.

Глава 2

Легенда

Домой они возвращались молча. Туман, который ещё недавно казался просто погодной неприятностью, теперь будто прилип к одежде, к волосам, к самой коже, и даже когда солнце поднялось выше и рассеяло белёсую пелену, ощущение, что за спиной всё ещё клубится эта густая мгла, не проходило. Артём шагал впереди, нарочно громко топая, будто хотел вернуть лесу привычный, безопасный шум. Катя прижимала к груди блокнот, в котором теперь лежали не просто зарисовки, а что-то большее — следы тайны. Миша шёл последним, и в его походке не было прежней бравады: он больше не хрустел валежником, не пытался казаться самым смелым. Он просто смотрел по сторонам, будто ждал, что из-за дерева снова мелькнёт тень.

В деревне всё выглядело как обычно: куры копошились у забора, на верёвке сушилось бельё, из трубы одного дома тянулся дым. Но для ребят деревня теперь казалась хрупкой, будто тонкая перегородка между миром, где всё понятно, и тем, где плиты говорят, а туман приходит не просто так.

— Надо к Трофиму Иосифовичу, — сказала Катя, едва они свернули на знакомую улицу. — Он хранит старые документы. Если кто и знает про эти знаки, так это он.

Артём поморщился. Он знал старика Шурмелёва: тот говорил редко, но если уж начинал, то слова его ложились тяжёлыми, будто чугунными, и от них становилось не по себе.

— Он не любит, когда лезут в старые дела, — пробурчал Артём. — Особенно если это касается старого прииска.

Миша фыркнул, но в этом фырканье не было уверенности:

— А мы не лезем. Мы просто спрашиваем.

Дом Трофима Иосифовича стоял на отшибе, чуть в стороне от основной улицы, будто сам хотел держаться подальше от суеты. Крыша была покрыта потемневшим шифером, окна прикрыты старыми ставнями, а у крыльца лежал огромный камень, который, по деревенским байкам, ещё дед Трофима Иосифовича притащил с берега реки. Говорили, что камень «держит дом», не пускает в него дурные вести.

Катя постучала — негромко, но настойчиво. За дверью послышалось шарканье, потом скрип, и на пороге появился старик. Он был невысоким, сутулым, с лицом, исчерченным глубокими морщинами, и взглядом, в котором читалось, что он видел слишком много такого, о чём не принято рассказывать.

— Чего надо? — спросил он без приветствия, но и без злости — просто как человек, который устал от лишних слов.

— Трофим Иосифович, мы на старом прииске были, — начала Катя, стараясь говорить спокойно. — У могилы купца. Там на плите знаки... странные. Мы их зарисовали. Может, вы знаете, что они означают?

Старик долго смотрел на них, будто пытался прочитать не слова, а то, что стояло за ними. Потом медленно кивнул и посторонился, пропуская их в дом.

Внутри пахло старым деревом, сухими травами и чем-то ещё — будто время здесь оседало пылью на полках. В углу стояла большая печь, рядом висели пучки трав. На стене — фотографии в потемневших рамках, на столе — стопка пожелтевших бумаг.

— Садитесь, — буркнул Трофим Иосифович и сел сам, напротив, положив на стол узловатые руки. — Рассказывайте. Только без сказок. Тут сказки сами по себе живут, им чужих не надо.

И они рассказали. Катя достала блокнот и показала зарисовки символов, рассказала про то, как знаки будто двигались, про туман, который накрыл площадку, про тень, мелькнувшую в белёсой мгле. Миша добавил про голос, который ему послышался, когда он коснулся плиты. Артём не стал ничего приукрашивать: он просто говорил о следах, о сломанной ветке, о том, как лес вдруг стал слишком тихим.

Трофим Иосифович слушал, не перебивая. Когда Катя закончила, он долго смотрел на рисунки, водил пальцем по линиям, будто пытался почувствовать их на ощупь. Потом вздохнул будто поднимал что-то очень тяжёлое.

— Это не просто знаки, — проговорил он наконец. — Это метки. Купцу Тютюкову Александру Ивановичу их оставил человек, который знал цену словам и знакам. В те времена верили, что место может запоминать. Не как человек, а как земля. Она впитывает страх, жадность, кровь. И если кто-то хочет спрятать что-то важное, он не просто зарывает это в землю. Он оставляет знаки, которые говорят только тем, кто готов услышать.

Ребята переглянулись. Катя хотела спросить, что значит «готов услышать», но старик будто прочитал её мысли:

— Не про смелость речь. Про чистоту. Если в сердце только золото мерещится, знаки будут молчать. Или соврут. А если ты ищешь не ради себя — они покажут путь. Но и спросят за это.

Миша нахмурился:

— То есть плита сама решает, кому правду сказать?

— Плита — нет, — спокойно ответил Трофим Иосифович. — Место решает. Плита — только дверь. А за ней... там старое живёт. То, что купец принёс с собой, когда заключил сделку.

— Какую сделку? — тихо спросила Катя.

Старик помолчал, будто взвешивал, стоит ли открывать ещё одну дверь. Потом заговорил, и голос его стал тише, будто он боялся, что стены подслушают:

— Говорят, Тютюков пришёл сюда не один. С ним был человек, который знал тайгу и знал, как разговаривать с землёй. Не шаман, не колдун — просто человек, который долго жил в этих местах и понял, что тайга не терпит жадности. Он сказал Тютюкову: «Хочешь богатства — заплати. Не деньгами. Своим спокойствием. Своими снами. Может, даже частью души». И Тютюков согласился. Не сразу, конечно. Сначала смеялся. А потом увидел, как земля открывает жилы, как золото льётся, будто само идёт в руки. И понял: цена уже взята, и её не вернуть.

Он замолчал, и в этой тишине ребята слышали, как тикают старые часы на полке — медленно, размеренно, будто отсчитывали что-то важное.

— Самородок, — прошептала Катя. — Тот самый, про который все говорят...

— Да, — кивнул старик. — Говорят, он не просто большой. Говорят, он как якорь. Держит здесь всё: и память, и силу, и проклятие. Кто его найдёт, тот не просто богатым станет. Тот станет частью места. А место не любит делиться.

Миша поёрзал на стуле. Ему хотелось возразить, сказать, что это просто сказки, но слова не шли. Он вспомнил холод чугуна и тот тихий голос, который прозвучал в ушах, и понял, что не может сказать «это ерунда», потому что сам чувствовал, что это не так.

— А если мы просто посмотрим? — проговорил он, будто пытаясь найти лазейку. — Просто найдём и посмотрим. Не заберём, ничего такого...

Трофим Иосифович посмотрел на него долгим взглядом:

— Место не понимает «просто посмотреть». Для него любое прикосновение — уже выбор. Ты либо принимаешь его правила, либо оно тебя не пускает. А иногда пускает, но так, что лучше бы не пускало.

Артём наконец подал голос:

— Мы не хотим ничего плохого. Просто... понять.

Старик кивнул, будто это было самое важное, что Артём мог сказать:

— Вот это и есть начало. Понять. Не взять. Не доказать. А понять. Тогда, может, место и позволит. Но запомните: чем ближе вы будете к самородку, тем громче оно будет говорить. И не всегда словами.

Они сидели ещё долго, слушая старые истории: про старателей, которые возвращались с прииска с пустыми глазами; про бригадиров, которые вдруг начинали бормотать что-то про «голос земли»; про тех, кто уходил за золотом и не возвращался вовсе. Трофим Иосифович не рассказывал ради страха — он рассказывал, чтобы они знали: цена есть всегда, и она не написана на бумаге.

Когда они вышли из дома, солнце уже клонилось к закату, и длинные тени ложились на дорогу, будто предупреждая: день кончается, а ночь — она другая. Катя всё ещё держала блокнот, но теперь он казался ей не просто тетрадь с заметками, а чем-то вроде дневника, в который записывают не события, а шаги к чему-то тайному.

— Что теперь? — спросил Миша, когда они отошли от дома старика.

— Теперь надо поговорить со взрослыми, — ответила Катя. — Не просто так, а чтобы они поняли. Чтобы не думали, что мы играем в кладоискателей.

Артём хмыкнул:

— Взрослые. Они скажут, что это сказки. Или что нам делать нечего.

— Значит, надо так рассказать, чтобы они не смогли сказать «сказки», — настаивала Катя.

Они пошли к дому Артёма. Его отец, Сергей Павлович, работал в лесничестве и знал эти места не хуже любого старожила. Когда они вошли, он сидел за столом, разбирал какие-то бумаги, но, увидев ребят, поднял голову.

— Ну, что стряслось? — спросил он, и в голосе не было тревоги, но было внимание — такое, какое бывает у человека, который привык замечать мелочи.

Катя рассказала всё: про могилу, про плиту, про знаки, про рассказ Трофима Иосифовича. Она говорила спокойно, без пафоса, стараясь не упустить ни одной детали. Миша добавил про туман и тень, Артём — про следы и тишину, которая казалась неестественной.

Сергей Павлович слушал, не перебивая, и по мере того, как ребята говорили, его лицо становилось всё серьёзнее. Когда Катя закончила и положила на стол блокнот с зарисовками, он долго смотрел на страницы, потом поднял глаза:

— Вы понимаете, что говорите? Про тени, про голоса... Это не шутки.

— Мы не шутим, — тихо сказала Катя. — Мы сами сначала думали, что это игра. А теперь... теперь мы чувствуем, что это правда.

Отец Артёма вздохнул и провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть усталость:

— Я слышал про эту могилу. Про плиту. Про купца. Но всегда думал, что это байки. Пока не увидел ваши глаза. Вы не врёте. И не играете.

Он помолчал, потом встал и подошёл к окну, посмотрел на улицу, будто искал там ответ:

— Если это правда... если место действительно «помнит»... то оно не прощает легкомыслия. Я не могу вам запретить туда ходить. Но я могу сказать: будьте осторожны. И если почувствуете, что становится слишком страшно — останавливайтесь. Даже если кажется, что вы уже почти у цели.

Миша хотел было возразить, что они не испугаются, но слова застряли. Он вспомнил тот момент, когда коснулся плиты, и понял, что страх — это не стыдно. Стыдно — не замечать его.

— Хорошо, — сказал Артём, и это «хорошо» прозвучало как обещание.

Но не успели они выйти, как в дом вошёл ещё один человек — Аркадий Парамонов, бригадир старателей. Он был крупным, уверенным в себе, с таким взглядом, будто он уже заранее знал, что всё вокруг принадлежит ему или скоро будет принадлежать.

— Слышу, тут про прииск болтают, — сказал он, не здороваясь. — Опять эти детские сказки про золото купца?

Катя хотела было рассказать всё заново, но Сергей Павлович остановил её взглядом:

— Они были на площадке. Видели могилу. Говорят, там знаки странные.

Парамонов хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то, чего ребята раньше не замечали — не насмешка, а интерес. Холодный, расчётливый.

— Знаки, — протянул он. — И что? На железе всякое бывает. Ржавчина, трещины... люди видят то, что хотят видеть.

— Мы не выдумываем, — упрямо сказала Катя.

— Конечно, не выдумываете, — мягко, слишком мягко ответил Парамонов. — Просто вы ещё не знаете, как место умеет играть с головой. Тут тишина давит, туман путает, а старые вещи будят сны. Но если вы вдруг найдёте что-то... хоть намёк на самородок... вы ведь скажете? Мы же все тут живём. Это общее дело.

Его слова звучали как просьба, но чувствовалось в них что-то другое — как будто он уже считал самородок своим, а ребят — просто случайными свидетелями.

— Мы скажем, — тихо ответил Артём, хотя ему не хотелось обещать ничего этому человеку.

Парамонов кивнул, будто принял это как должное, и ушёл, оставив после себя ощущение, будто в комнате стало меньше воздуха.

Когда дверь за ним закрылась, Сергей Павлович посмотрел на ребят долгим взглядом:

— Слушайте меня. Если он начнёт интересоваться вами или тем, что вы видели, — сразу говорите. У таких людей интерес быстро превращается в давление.

Ребята кивнули, но каждый из них понимал: теперь они не просто подростки, которые пошли погулять в лес. Они стали частью истории, которая жила здесь задолго до них. И эта история не собиралась отпускать их просто так.

На улице уже стемнело, и деревня погрузилась в тот особый полумрак, когда тени становятся длиннее, а звуки — глуше. Катя остановилась у калитки и посмотрела в сторону леса. Ей казалось, что где-то там, среди деревьев, плита и крест всё ещё ждут, и знаки на чугуне тихо шевелятся, будто готовятся показать свой секрет тому, кто будет готов его принять.

— Завтра мы снова пойдём туда, — сказала она, не спрашивая, а утверждая. — Но теперь мы будем знать больше.

Артём посмотрел на неё, потом на Мишу. В его взгляде читалась тревога, но и решимость:

— Ладно. Но на этот раз мы будем смотреть не только вперёд. Мы будем смотреть и по сторонам. И слушать не только слова.

Миша кивнул. Ему не хотелось признаваться, но он был рад, что они не одни в этом. Что есть кто-то, кто тоже чувствует, что лес не так прост, и кто не позволит сделать шаг вслепую.

Ночь опускалась на деревню, и с каждым мгновением казалось, что граница между обычным миром и тем, который жил в старых легендах, становилась тоньше. И ребята знали: завтра эта граница может исчезнуть вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.